

1(14) января

Священномученик
Платон (Кульбуш),
епископ Ревельский

Священномученик Платон родился 13 июля 1869 года в мызе Подис Перновского уезда Эстляндской губернии в семье псаломщика Петра Кульбуша и его супруги Натальи и наречен был Павлом. В 1884 году Павел окончил Рижское духовное училище, а в 1890-м – Рижскую Духовную семинарию; как лучший воспитанник, он был послан для продолжения образования в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую окончил в 1894 году со степенью кандидата богословия.

Священномученики Платон, Николай и Михаил

Учась в академии, Павел Петрович вступил в Общество религиозно-нравственного просвещения и стал вести активную миссионерскую работу среди проживавших в Санкт-Петербурге эстонцев.

5 декабря 1894 года Павел Петрович был рукоположен во священника, а 31 декабря того же года указом Святейшего Синода в Санкт-Петербурге был учрежден эстонский приход, и первым его настоятелем стал отец Павел; впоследствии он был назначен благочинным всех эстонских церквей Санкт-

Петербургской епархии. Для богослужений эстонскому приходу было отведено помещение в нижнем этаже храма Воскресения Христова в Малой Коломне.

Отец Павел писал в то время о своей деятельности: «Если оглянуться на то, что имеют православные эстонцы в Петербурге теперь, то только самая упорная энергия, самая беззаветная надежда на будущее могут побудить не слагать оружия, потому что теперь приход не имеет буквально ничего. Не говорим о храме, о школе – нет ни облачения, ни креста с Евангелием, ни мирницы и дароносицы – самых необходимых вещей для каждого пастыря, не говорим о сосудах, утвари и прочем. На Рождество для славления епитрахилью пришлось позаимствоваться в соборе, крестом у знакомого... для крестин нужно каждый раз выпрашивать все необходимое. И так без конца».

Став во главе прихода, отец Павел приступил к организации сбора средств на постройку приходского храма. Первым, кто откликнулся на просьбу молодого пастыря, был протоиерей Иоанн Кронштадтский, который пожертвовал на постройку церкви 300 рублей и написал: «Всем сердцем моим молю Господа, Главу Церкви, да привлечет сердца доброхотов к посильным жертвам на устройство в столице православного эстонского храма».

Одной из существенных проблем для эстонских семей, приезжавших на заработки и зачастую остававшихся навсегда в Санкт-Петербурге, становилось обучение детей. 21 октября 1896 года стараниями отца Павла в столице была открыта первая эстонская церковноприходская школа. В «Санкт-Петербургском духовном вестнике» писали об этом: «...Нужда в открытии ее выяснилась уже давно. Православным эстонцам негде было обучать своих детей, не понимающих иного языка, кроме эстонского. Кроме того, забытость их имела своим следствием то, что самое православие среди них стало падать, и если старшие поколения, некогда обучавшиеся Закону Божию до выселения, помнили нечто из усвоенного ими в детстве, то молодое поколение в силу необходимости возрастало вне руководительного воздействия Святой Церкви... Учеников, желающих поступить в школу, набралось больше, чем можно было бы на первых порах принять. При этом многие из них изъявляют желание жить в школе... На содержание их средств нет. Потом, это все дети бедных родителей, которым и думать страшно содержать дитя вне семьи. Единственный выход – обратиться к помощи добрых людей, не помогут ли они чем-нибудь для содержания школьников: денежная помощь и жертвы хозяйственными припасами являлись бы в данном случае одинаково ценными и желательными...». Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Владимир Карлович Саблер «в блестящей пространной речи наметил характер и задачи деятельности новой школы. Оставляя эстонцев эстонцами, школа должна приобщить их через изучение русского языка, русской земли и жизни, через укрепление в православной вере, этом оплоте нашего царства, к единому государственному организму. Цель церковной школы не только сообщить полезные знания, но – особенно – воспитать, приготовить из детей деятельных исполнителей заповедей Божиих, дать верных слуг царю, полезных работников обществу. Искреннее желание добра училищу сводится к осуществлению в нем именно указанных начал».

29 ноября 1898 года в Санкт-Петербурге состоялось открытие эстонского Братства во имя священномученика Исидора, пресвитера Юрьевского. Председателем собрания был единогласно избран епископ Вениамин (Казанский). Председатель совета Общества религиозно-нравственного просвещения протоиерей Философ Орнатский обратился со вступительным

словом к присутствующим эстонцам, в котором выразил радость по поводу начинаний православных эстонцев в Санкт-Петербурге. Вслед за этим отец Павел Кульбуш прочел доклад об истории народов Прибалтики, о тяжелом их положении во время немецкого господства и об их современном положении.

«...В настоящее время, – сказал он, – в религиозном отношении население края представляет собою пеструю картину смешения православных с лютеранами. К сожалению, число лютеран в несколько раз превосходит число православных, и положение последних вообще гораздо хуже положения лютеран. Приходы лютеранские старше, богаче, благоустроеннее; лютеране сами тоже зажиточнее, образованнее. Православные же в общем значительно беднее их, так как и в православие-то переходили преимущественно бедные. Внутренняя самопомощь православных поэтому очень слаба, и они постоянно нуждаются в поддержке извне.

Общий недостаток в земле привел к массовым выселениям эстонцев из Прибалтийского края как в соседние губернии – Петербургскую, Псковскую, Витебскую, так и дальние края – на Кавказ, в Ставропольскую губернию, Таврическую и даже в Сибирь. Каково же положение этих инородцев в рассеянии? В общем очень печальное. Живя отдельными группами, связанные узами крови и языка, одинаково не зная русского языка, эстонцы православные и лютеране живут обыкновенно тесным кружком. И так как лютеран в таких колониях всегда подавляющее большинство, то и дух там держится лютеранский. Для довершения этой картины нужно прибавить, что пасторы, обыкновенно знающие много языков, и, между прочим, также инородческие, приобретают в названных колониях огромное влияние не только на лютеран, но и на православных. Колонии выселенцев живут поэтому очень обособленно, так что и сами русские люди отказываются верить, чтобы в них можно было найти православных людей...

Не зная обыкновенно ни русского языка, ни столицы, выселяющиеся в Петербург эстонцы идут в кирху как на маяк. Тут и укажут, что делать, тут и место приищут, благо есть в Петербурге на заводах немало эстонцев мастеров и указчиков, ручающихся за земляков и сталкивающихся с ними на своем языке, так что с русским человеком такие рабочие почти не имеют дела. Этим только можно объяснить себе тот удивительный факт, что живет эстонец в Петербурге с десяток лет, но по-русски не говорит или же коверкает русскую речь до невозможности...»

В отчете Братства в обоснование его создания и деятельности писалось: «Переселенцы-эстонцы, отрезанные от православных русских незнанием языка, часто уклоняются в лютеранство. Для возврата отпадших, для утверждения эстонцев в православной вере нужны и особые усилия, и особые средства. Древние ревнители православия в противовес католической пропаганде основывали религиозные братства. Думается, что и в настоящем случае Братство лучше всего могло бы собрать в одном святом содружестве слабых и сильных, стойких и немощных, дабы поддержать, укрепить, оживить и воодушевить одних и дать возможность принести плод своей веры другим.

Есть и внешние нужды... Первая из них – устройство своего храма. Возможно ли привлекать эстонцев к православию, не имея своих помещений и своей церкви? Вторая – помощь материальная существующей школе. Необходимо устроить при ней общежитие, организовать помощь беднейшим детям прихода. Третья – оказание помощи для бедных эстонцев, нередко попадающих в Петербурге в безвыходное положение. Заболел или умер

кормилец семьи – откуда семье взять средства на лечение, на проживание? Приехал эстонец в столицу на заработки. Незнание языка и новые условия жизни нередко надолго выбрасывают его за борт жизни. Где найти поддержку?»

«Необходимость открытия в Петербурге особого для православных эстонцев религиозно-просветительного и благотворительного братства обуславливалась печальным положением их в столице. Не зная русского языка или понимая его очень мало, прибывающие в столицу православные эстонцы в удовлетворении своих религиозных нужд до последнего времени чувствовали крайнее стеснение. В родном Прибалтийском крае они имеют богослужение и проповедь на понятном родном языке; изучение русского языка, на которое только сравнительно недавно обращено серьезное внимание, не привело еще к значительным успехам, тем более что в домашнем быту эстонцы доселе говорят по-эстонски. Особенно затруднительно для них сознательное участие в нашем богослужении, потому что совершается оно по-славянски, так что нередко даже понимание обыденной разговорной речи оказывается здесь бесполезным. Ввиду этого трудно винить прибывающих в Петербург православных эстов за то, что сплошь и рядом они не присоединялись к близлежащим столичным приходам и церквям, а или оставались вне попечения церкви, или даже уклонялись в сторону лютеранской эстонской кирхи, где понятная проповедь и служба, где приход старый и уже благоустроенный...»

«Эстонец, даже родившийся православным, резко отличается обыкновенно во внешнем поведении от человека православно-русского. У него нет того, что называется “обликом” православного человека, православие еще не вошло в его плоть и кровь, – он с ним еще не сжился. Зависит это, с одной стороны, от того, что лютеранство за столетия пустило в эстонцах слишком глубокие корни и от духа его освободиться им нелегко; с другой стороны – и первые движения в пользу православия в Прибалтийском крае насчитывают только полвека. Поэтому при неблагоприятных условиях, – при непонятном богослужении, при совместной жизни с лютеранами, относительный процент которых больше, – в православном эстонце легко оживают и снова выступают замершие было начала лютеранства...»

Выполняя обязанности пастыря эстонских приходов, отец Павел не только проповедовал в храме, но неизменно участвовал в чтениях, которые устраивались Обществом религиозно-нравственного просвещения. Он рассказывал о таинствах Православной Церкви, ее истории, о наиболее известных отцах Церкви, Вселенских Соборах, о неправоте католического учения, обличал католическое учение о главенстве папы, рассказывал об образовании лютеранства, о неправоте протестантских суждений о Церкви, об англиканстве, о Евангелии и Посланиях апостолов, о просветителях славянства, об истории Русской Православной Церкви и русском расколе и появлении в расколе разных толков. За несколько лет в своих беседах он прочел курс лекций по истории Православной Церкви, о ее учении и таинствах.

В 1901 году Санкт-Петербургская городская Дума безвозмездно передала эстонскому приходу участок земли в городе под постройку эстонского православного храма и школы. Отец Павел обратился в Святейший Синод с просьбой об организации проведения всероссийских пожертвований на постройку эстонского храма в Петербурге. 24 и 25 декабря 1902 года были объявлены во всех приходах Российской империи днями сбора средств на возведение в Петербурге храма для православных эстонцев и школы при нем. 24 августа 1903 года состоялась закладка храма, а 21 декабря того же года был

торжественно освящен временный храм.

В освящении участвовал протоиерей Иоанн Кронштадтский, который сказал: «Сегодня Господь сподобил нас вместе с православными эстонскими братьями присутствовать при архиерейском освящении первого временного православного эстонского храма в столице. Освящение как настоящего храма рукотворенного, так и нас всех, храмов нерукотворенных, проистекает от единого всеосвящающего Источника Бога и Сына Его Единородного Господа нашего Иисуса Христа и Духа Святого...

Этот храм сооружен и освящен для совершения в нем богослужения и таинств в душевную и телесную пользу эстонского народа, но он не чужд и для русских *православных* людей, здесь живущих, потому что все службы и таинства будут совершаться в нем по обрядам и книгам Православной Церкви не только по-эстонски, но и по-русски и в нем могут молиться дружно, в одном духе, и эстонцы и русские. Таким образом единая вера православная, единая Церковь, одинаковое богослужение и таинства будут *соединять* людей двух народностей в одно духовное тело, в один дух, по слову Писания: *Едино тело, един дух, якоже и звани бысте во едином уповании звания вашего... едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех* (Еф. 4, 4-6). Слава Церкви Божией, собирающей расточенных чад Божиих воедино! О том и молился Господь Отцу Своему Небесному, чтобы все люди были едино: *Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17, 21). Господь пришел на землю для того, чтобы составить из всех народов единую Церковь. Таким образом составляют едино Тело церковное и русский народ, и сплины, или греки, сербы, болгары, молдо-влахи, грузины, арабы, православные эстонцы, японцы, китайцы...»

В 1917 году отец Павел, возведенный к тому времени за ревностную церковную деятельность в сан протоиерея, был избран членом исполнительного комитета по созыву епархиального собрания для избрания архиерея на Петроградскую кафедру; исполнительный комитет был призван выработать порядок избрания архиерея. В результате выборов Петроградскую кафедру возглавил владыка Вениамин (Казанский).

Летом 1917 года в городе Юрьеве состоялось собрание духовенства и мирян Рижской епархии, на котором были избраны делегаты на Всероссийский Поместный Собор. Представители эстонских приходов на этом собрании внесли предложение: образовать в Рижской епархии Ревельское викариатство, в состав которого должны войти все эстонские приходы. Собрание выдвинуло протоиерея Павла Кульбуша как наиболее достойного кандидата на эту архиерейскую кафедру.

В декабре 1917 года Священный Синод постановил возвести протоиерея Павла в сан епископа Ревельского по предварительном пострижении его в монашество. 24 декабря отец Павел был пострижен в монашество с именем Платон и возведен в сан архимандрита, а 31 декабря митрополит Петроградский Вениамин (Казанский) и епископ Лужский Артемий (Ильинский) хиротонисали его во епископа Ревельского. Хиротония была совершена в Александро-Невском соборе города Ревеля. Сразу же после хиротонии епископ Платон отправился в Москву для представления Патриарху Тихону.

Ввиду чрезвычайных обстоятельств, заключавшихся в стремительном продвижении германских войск в глубь Прибалтики, Патриарх поручил епископу Платону ведение всех приходов Рижской епархии, и владыка немедленно

отправился к месту своего служения. Многие правительственные и церковные учреждения, в связи с военными действиями и наступлением германцев, еще в самом начале войны были перенесены в Юрьев, и потому владыка обосновался здесь.

Деятельность епископа Платона в этот период так описывалась его современниками и жизнеописателями: «Деятельность преосвященного Платона в Прибалтийском крае совпала с занятием всей территории Эстляндии германцами. Везде были введены германские законы и порядок управления. Жизнь Православной Церкви в крае была также поставлена в зависимость от германского управления. Положение ее было исключительное. Она была взята под особый бдительный надзор. И преосвященному Платону, как главе местной Церкви, пришлось быть на страже православно-церковных интересов и также проявить особенную бдительность и осторожность в своих действиях и распоряжениях, в которых он всегда старался стоять на почве закона, руководясь законами церковными, международными конвенциями, гражданскими законами Российской империи. Пользуясь этим, так сказать, юридическим аппаратом, преосвященный Платон иногда достигал благоприятных для Церкви результатов. Но иногда отношения с германскими властями у него обострялись. Так, в одном письме он пишет: “С начальством германским наши разговоры стали серьезными. Стою на правде и интересах Церкви. А там – что Бог даст. Совесть будет спокойна, что сделано все возможное”.

Епископ Ревельский Платон

Несмотря на противодействие оккупационных властей, епископ Платон в мае 1918 года посетил Ригу, где в течение одиннадцати дней ежедневно

совершал богослужения в различных церквях, ободрял угнетенный дух пасомых, устраивал пастырские собрания, при всех храмах учредил приходские советы.

Из Риги владыка Платон предполагал совершить объезд ряда латышских приходов, но оккупационные власти не разрешили ему этого, а впоследствии и вообще запретили пользоваться железнодорожным транспортом. Тогда он в сопровождении трех человек частью на лошадях, частью пешком посетил до сорока приходов, где его проникновенные богослужения и проповеди поддерживали верующих».

В ноябре 1918 года, в то время когда епископ собирался выехать в Ригу, он заболел гриппом; болезнь осложнилась крупозным воспалением легких, и он вынужден был остаться в Юрьеве, к которому стремительно приближались войска Красной армии. 21 декабря 1918 года эстонские части Красной армии вошли в Юрьев. 2 января 1919 года большевики арестовали епископа Платона. Тогда же были арестованы протоиереи Николай Бежаницкий и Михаил Блейве и еще пятнадцать человек, известные в городе как видные религиозные и общественные деятели. Все они были заключены в помещение цокольного этажа Дворянского кредитного банка, который большевики использовали в качестве тюрьмы.

Современники так описали последние дни и мученическую кончину епископа и священников. «Во время заключения владыка Платон утешал и ободрял всех других заключенных, читал по возможности вслух Евангелие, особенно часто – 24-ю главу от Матфея...

В ночь на 14 января епископа Платона вызвали на допрос. Комиссар настаивал, чтобы владыка прекратил проповедовать Евангелие, на что епископ ответил: “Как только меня выпустят на свободу, я буду вновь повсеместно славить Господа”».

В это время состоялась высадка войск Антанты на Балтийское побережье и началась организация эстонских войск, противостоящих большевикам. 13 января эти войска приблизились к Юрьеву.

«Наступил вечер, канун нового года по старому стилю. Епископ Платон, находясь в заключении, собрал своих близких на молитву, прочел тропари: “Благодарни суще...” и новогодний “Всея твари Содетелю...”, приветствовал всех с наступившим новолетием, сказав, что нужно благодарить Господа, подобно Златоустому, за все – и за то, что мы живы! Последнюю ночь своего земного странствования епископ Платон провел в молитвенном настроении и, лежа на нарах, часто осенял себя крестным знамением и глубоко вздыхал. В эту ночь заключенным пришлось очень мало спать, так как около полуночи стали отчетливо слышаться звуки приближающейся канонады... С девяти часов утра к узникам стали приходить родные и благожелательно относящиеся лица со своими приношениями, жаждущие хоть издали увидеть дорогих для них людей, ободрить их. Преосвященный заповедал, кто первый освободится, передать его и всех заключенных общую благодарность всем так усердно посещавшим узников за внимание, за сильное желание облегчить страдания. Спустя немного времени явился красноармеец и грубо приказал епископу одеться, забрать свои вещи и следовать за ним... Красноармеец до того торопил епископа, что даже близкие к нему духовные лица не могли принять его последнее святительское благословение, и только на ходу он сказал всем заключенным: “До свидания, братие!”».

«Через несколько минут мы услышали звуки выстрелов, которые, казалось,

исходили откуда-то из-под нашей камеры. Снова через несколько минут тот же комиссар вернулся и выкликнул имена двух православных священников, которые ушли с ним, и опять мы услышали те же звуки...» Это были протоиереи Николай Бежаницкий и Михаил Блейве.

В этот же день эстонские войска вошли в город, а большевики бежали. Осмотр подвала, где производились казни и где лежали казненные, позволил в точности восстановить всю картину мучений епископа и священников. На правом виске епископа осталась глубокая ссадина от нанесенного кулаком удара, на теле было семь штыковых ран и четыре пулевых. Одна из них осталась от разрывной пули, направленной в правый глаз. Протоиерей Николай был убит пулей, а все лицо его было изуродовано; протоиерей Михаил был убит разрывной пулей в затылок, отчего лица его нельзя было узнать.

Отпевание священномучеников состоялось в юрьевском Успенском соборе. Тела протоиереев Николая Бежаницкого и Михаила Блейве были погребены в Успенском соборе города Юрьева, а тело первого эстонского епископа – в Спасо-Преображенском соборе в городе Ревеле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Январь». Тверь. 2005. С. 4-16